

ШИТ

— У тебя Цефалон неправильно написан, — вежливо сообщил я парню.

Парень помотал головой. Похоже, до его тугих мозгов новость ещё не дошла. Он преуспел! Вытянул кита там, где рассчитывал на кильку. Или что-то вроде того. Один из моих хозяе... призывателей был рыбаком, пока не нашёл гримуар.

Я сказал хозяев? Какая чушь! У Великого высшего демона, Основателя Бездны, Сокрушителя Дворцов, Искателя Пропавших Сокровищ и... гхм... в общем, опустим остальные титулы... не может быть хозяев!

Но помочь пареньку не помешает. Я ведь, в конце концов, милостивый демон. В какой-то степени. Иногда. Наверное.

— Вот эта руна, Цефалон, — сказал я, тыкнув в закорючку туманным отростком, — она неправильно начерчена. Слишком крупный хвостик, и нет кружочка под вон той завитушкой. Из-за этого всё построение насмарку. Даже младшего беса не удержит. Поправь, пока я не вышел из пентаграммы.

На секунду потянуло разоткровенничаться. По правде говоря, даже если демонолог перерисует Цефалон, малая принуждающая пентаграмма меня не удержит.

Но, во-первых, такая небрежность слегка оскорбляла. Во-вторых, неожиданная воронка призыва посреди пустошей третьего плана Эфирия пришлась как нельзя кстати. Я уже почти чувствовал на себе кислотное псевдодыхание гончих.

Что? Я попытался украсть *вещь* у намного более сильного демона и чуть не погиб, когда его слуги догнали меня? Какая чушь! Сильнее меня в Эфирии никого нет и быть не может. Я просто решил прогуляться — как принято у высших демонов, с ветерком.

— О дьявол, связанный обязательствами, прекрати источать лживые речи и внимли моему гласу! — наконец сказал парень, суматошно махая руками. Надо полагать, делал магические пассы.

Я с любопытством разглядывал его. Одет цветасто, как попугай. Обычно демонологи предпочитают более тёмные одежды. Верят, что так проще слиться с толпой. Демонологов же, наверное, всё так же жгут? Воспоминания о плане смертных были не особо разборчивы. Сколько тысяч лет всё-таки прошло...

— Внемлю, — ответил я и растёкся мглистой кляксой по пентаграмме. Богатая комнатуха, все эти золотые завитки на рамах картин, а столы и стулья будто выращены. И огромное количество пульсаций, словно место пропитано магией. Почему словно? Пропитано!

— Что можешь ты исполнить по моей команде?

— М-м-м... всё.

Парень озадаченно захлопал глазами.

— Что, правда всё?

— Сомневаюсь, что у тебя такие уж изысканные пожелания.

— Тогда... — он впал в ступор.

— Притащить тебе девиц? Дать силу обращать предметы в золото?

— Да нет, зачем мне золото... — демонолог поскрёб затылок, и выражение лица у него стало, как у виноватого кота. — Да и девицы не особо-то нужны. Вот что, предстань передо мной в каком-нибудь приличном облике.

— А этот чем тебе не нравится?

— Не знаю ни одного демона, который выглядел бы, как фиолетовое облако.

Вообще-то, в Эфирии так выглядели все демоны — от самых низших до Повелителей Планов. Знаете ли, когда живёшь там, где практически нет реального, а пространство вокруг — коллективно воображаемое, особого смысла в другой оболочке нет.

Паршивый из парнишки специалист, чего уж там.

Нет, конечно, иногда демоны предпочитали брать облик древних чудовищ смертного плана или подражали разумным расам. Но ведь суть не менялась, и тела по-прежнему состояли из тумана Эфирия. Если только какой-нибудь особо проворный демон не захватывал живое тело.

Занимался ли этим ваш покорный? Само собой! Преотличное ощущение, к слову. Собственно, что мешает мне заняться этим сейчас?

— Как пожелаешь, — сказал я и вытек за пределы пентаграммы. Охранное поле даже не попыталось меня остановить. Демонолог вскинул ладони.

— Замри, дьявол! — возопил он, а я деловито прильнул к нему. Преодолею скромную защиту ткани и втёк в него через крошечные поры. Тут же стало тесно, ощущение — будто на кончике иглы.

Был такой трюк, которым раньше развлекались демонологи. Призывали кучу народу из Эфирия и заставляли плясать на кончике иглы. Кто больше уместит, тот и победил.

Поступали ли так со мной? Конечно же, нет! Откуда знаю? Гм, рассказывали знакомые.

В Эфирии любят поболтать. Делать-то, по большому счёту, нечего. Болтать, и драться, и воровать *вещи*, и подчинять планы. Не особенно-то занятный быт. У смертных, по сути, всё то же самое, но возможностей получать удовольствие куда больше.

Я с наслаждением потянулся. Ощущение стянутости, сдавленности прошло. На смену ему явился непередаваемый букет чувств. Под коленкой чесалось, во рту пересохло, глаза давно не моргали, одна ступня, на которую приходился вес, устала.

Я встал на другую ногу и чуть не заплакал от восхищения. Так много всего происходило сразу! Билось сердце, вздымалась грудь, кровь бежала по венам.

А слёзы! Глаза защипало, задрожала челюсть... хм, а может быть, так реагировало тело. Я ведь выпнул его прошлого владельца на краешек сознания. Наверное, ему было жалко незадачливого дурака.

Я погладил себя по волосам, успокаивая тело, и пальцы наткнулись на препятствие. С возрастающим изумлением я ощупал ухо. Длинное. Остроконечное.

Эльф-демонолог! Я расхохотался, с наслаждением замечая, как выходит из глотки воздух. Глубоко вдохнул. Пахло цветами, и расплавленным воском, и ладаном, и прочими курительными смесями, необходимыми для ритуала.

Я почесал гладкий подбородок, ощупал губы, щёки, лоб — такие мягкие, такие податливые. Плоть великолепна! А плоть эльфа великолепна вдвойне.

Некоторые демонам больше по нраву были грубые народы, а я всегда восхищался утончённостью эльфов. Но обычно остроухим хватало сообразительности, чтобы держаться подальше от демонологии. Это искусство среди них глубоко порицалось.

С другой стороны, что мог я знать о теперешнем положении дел? С сородичами я не пересекался давно, за исключением недавнего... инцидента. Воронок тоже не попадалось.

В целом призыв удался на славу. Немного портил впечатление только идиот, который вопил в глубине головы. До конца выжимать его я не собирался.

Я милостивый демон. К тому же мне могли пригодиться его сведения. Ну и... кто сказал, что его страдания не веселили меня? Я же упоминал, что не терплю небрежности к себе.

Что? Предупреждал ли я его? Он должен был понять и так! Я же не нянька, которая бегаёт за сопляками и вытирает им носы. А он вписался в дело, которое требует предельной осторожности. Пусть пожинает плоды своей глупости.

Если что и нарушало упоение моментом, так это одежда. У демонов одежда не особенно котируется, точнее, её попросту не существует. А чувствовать тряпки на голой коже новообретённого носителя — всё равно что вляпаться в горшок со смолой.

— Коже надо дышать! — воскликнул я и разделся догола. Отпинал тряпки по углам и подпрыгнул. Голова чуть не достала до потолка. Кажется, от радости я слегка видоизменил пространство вокруг себя. Телу, обладающему отличными физическими показателями, этого хватило. Как и ожидалось от эльфа, пусть даже чудного!

Так я прыгал и носился по комнате, ломая мебель, пока не наткнулся на книжный шкаф и не повалил его. Во все стороны рассыпались книги. Посреди книжного хаоса стоял я, оглядывая свои владения и раздумывая, что бы ещё такого устроить. Эйфория ещё не схлынула.

Я вёл себя, как неразумный ребёнок? Отмечу, что это очень важный и тонкий момент. Телу нужно привыкнуть к новому хозяину. Оно должно научиться подчиняться любому моему приказу, каким бы нелепым он ни был.

Имеет ли это отношение к тому, что впервые за тысячи лет я обрёл смертную форму и поймал демоническое опьянение? Ни капли!

Дверь без скрипа отворилась, и на меня уставилась девушка. Потом обвела глазами учинённый мной разгром и поморщилась.

— Совсем сбрендил, братец?

Я прикидывал, стоит ли убить её за вторжение без приглашения, но меня подкупило то, что она назвала меня братцем. То есть мы с ней кровные родственники. Это всё меняло.

Дело в том, я обожаю наводить смуту. Ничего приятнее раздрая в душах смертных для меня нет. С этим не сравнится даже обретение тела. Знать, что смертный колеблется, прежде чем сломаться... Ох, это дарует настоящий экстаз! Подозрительность, неверие, презрение, счастье, негодование, доверие, ярость, ненависть, любовь, алчность, самопожертвование, гордость.

Сочетание несочетаемого, слияние противоположностей — вот то, за чем я гонюсь и буду гнаться до скончания времён.

— Присоединяйся! День так хорош, незачем портить его сдержанностью. — Я подмигнул девушке. Я не был уверен, что этого хватит, потому добавил более прозрачный намёк:

— А затем мы можем продолжить на... — В комнате не было кровати, а если бы и была, я бы разломал её к тому моменту. — На полу! Он прохладный, но наша страсть согреет его.

Эльфийское общество полнится табу ещё более суровыми, чем людское или, например, гномье. А инцест осуждался даже у гоблинов, не говоря уже о более продвинутых расах. Никаких божественных запретов, причина проста — вырождение из-за кровосмешательства. Ничто не мешало парочкам заниматься сексом и не заводить детей.

Но так считал я, демон Эфирия, к которому вся половая тема никоим боком не относилась, пока я ходил вне тела. А у смертных рас со временем появился пунктик на эту тему. Дразнить их было забавно, даже забавнее, чем нарушать табу. По крайней мере, пока смертные, с которыми я общался, не привыкали к шуточкам.

Я ожидал, что девушка вскинется, покраснеет, захлопнет дверь или начнёт осыпать меня ругательствами. В общем, заниматься тем, чем должен заняться эльф, которому намекнули на инцест.

Вместо этого она закатила глаза. Мой голый облик ничуть её не озаботил. Сама она была, вероятно, симпатична. Проблема в том, что я, как демон, не особенно разбираюсь в красоте. Красота — это ведь глубоко смертная тема, так? В конце всё сводится к размножению.

В Эфирии размножаются не так, как смертные расы, следовательно, и в понятии красоты нет нужды. Я мог лишь описать сестрицу так, как видел приобретёнными глазами. Длинные, почти до пояса, золотые волосы, крупные зелёные глаза, в которых мелькала искорка издёвки. Фигуру плотно облегал рубаша без рукавов, оставляющая открытыми округлые плечи. Не менее плотно сидели штаны.

— Тебе обязательно надо было свихнуться окончательно, чтобы вспомнить о своих обязанностях, да? — Девушка скривила губы, заметив пентаграмму. Её частично прикрывали книги и обломки мебели, но недостаточно, чтобы спрятать целиком.

— Приберись тут и, Великого Древа ради, сотри эту дрянь. Понимаю, ты привык жить в свинарнике, но это становится совсем уж неприличным.

Сильных эмоций я не уловил. Так, тлевшее раздражение, которое не порадовало бы и мелкого беса, не говоря уж о высшем демоне.

— Серьёзно, не верю, как из нас двоих ты — старший близнец. Мозгов у тебя даже для человека маловато. Достались целиком мне. Как и красота, — добавила она, бесстыже изучив мой вид.

Я прикрываться и не подумал, разумеется. У меня-то откуда взяться стыду? К щекам, правда, прилила кровь. Видимо, прошлый владелец тела был не так свободен от общественных норм. Старые привычки изгнать нелегко.

— Что же до твоего предложения... Придумай чуть более романтическую обстановку. И завязывай с призывами наконец, от них тут воняет. Всё равно ничего у тебя не выходит, кроме того, что весь коридор пропах Запредельем.

О каком ещё Запределье она толкует? И почему вид единокровного голого брата, который предлагает ей переспать, её не смущает? Вообще-то, предполагалось, что при встрече со смертными замешательство испытают они, а не я.

Мне, Малдериту, высшему демону Эфирия, следовало бы раздавить её за проявленное непочтение. А ещё за то, что она разочаровала меня своей реакцией. Но пока что подыграю. Слишком уж приятно пребывание в мире смертных. Оно сделало меня великодушным.

В разрезе на рубашке девушки виднелась грудь. Вместо ответа я протянул ладонь к ней. Разумеется, расстояние было слишком велико, чтобы ощупать её, исказить пространство я тоже не хотел.

Подчинение реальности своей воле — это уникальная черта демонов, остальные так не умеют. Что хорошего, если во мне признают Высшего и попытаются изгнать? Устраивать кровавую баню пока не хотелось. Не сразу после того, как я позволил девице жить.

Так вот, возвращаясь к груди. Ладони у меня были не слишком большие, вполне себе точёные эльфийские ладони, изящные, с длинными пальцами. Пожалуй, грудь девушки в них легла бы идеально.

Мой прошлый призыв был у людей. Тогда у них были в почёте женщины с крупной грудью — настолько крупной, что в идеале она перевешивала голову. Мне это напоминало коров, но, по большому счёту, пристрастия людей меня не особенно волновали. Я наслаждался дарами физической формы независимо от того, какая мода ходила у смертных. Просто немалая часть удовольствия от обладания приходилась на зависть окружающих.

Ноги у девчушки были прямые, обувь напоминала свёрнутые листья. Первая деталь в её облике, которая напоминала об эльфийском происхождении. Ну, если не брать в расчёт уши. Я попробовал представить девушку голой. Тело отреагировало на это положительно, а остальное меня мало трогало. Приму за исходную позицию, что мне досталась красивая родственница. От неё и буду исходить при подборе гарема.

Как это — зачем мне гарем? Эльфы живут долго, и я точно намеревался выжать из тела всё, что оно способно предложить!

Увидев, что её оценивают, как козу на базаре, сестра покрутила у виска пальцем и погрозила кулаком. Меня это изрядно рассмешило: мне, высшему демону, угрожает какая-то мелюзга. Но я уже упоминал, что милостив.

Когда эльфийка закрыла за собой дверь, вид у неё был утомлённый. Возможно, похожие разговоры звучали между ней и её братом не один раз. Я склонен был поверить в это, ведь эльфы не особо поощряли демонологию. Настолько, что убивали представителей других рас, занимавшихся ей, а соплеменников сажали в тюрьмы на сотни лет. Там им промывали им мозги. С течением времени нравы могли смягчиться, верно.

Однако время не должно было смягчить табу на инцест. Это глубоко мясная штука, как ни крути. Если эльфы где-то там, на задворках истории, не перекроили себя с нуля, кровосмешение для них по-прежнему было под запретом. Они ведь почитали себя совершенной расой и допустить рождения уродов никак не могли.

И что ещё за Запределье? Уж такая основа, как название моей родины, не могла затеряться в веках. Любой, самый ничтожный демон знал, что он из Эфирия, и не преминул бы сообщить об этом призывателю.

Живот заурчал. Я похлопал по нему, чтобы успокоить. С чего бы ему издавать такие странные звуки? Но с его поведением можно разобраться позднее.

Я вытащил глупца, вызвавшего меня, из задворков разума. Пора делиться знаниями о том, куда это меня занесло.